

пешком в историю

*Владимир
Урецкий*

197

КАК ТОЛЬКО не называли Григория Распутина (1869–1916) при жизни и после смерти: и колдуном, и святым чёртом, и героем-любовником, и немецким шпионом, и ересиархом, и священномучеником. Это была личность, сотканная из противоречий. Греховная, духовная... – какая?

Вечер 16 декабря 1916 года выдался ветреным, с позёмкой. Григория Ефимовича как целителя упросили навестить внезапно заболевшую супругу князя Феликса Юсупова (1887–1967), молодого наследника богатейшего рода. Но это была ловушка, там и состоялось убийство.

По официальной версии, убийство Распутина произошло следующим образом: сначала его попытались отравить цианидом, коим доктор Лазаверт начинил пирожные, но яд не подействовал. Затем Юсупов стрелял в область сердца, но снова безрезультатно – раненый Распутин оттолкнул его, выбежал из комнаты, спустился вниз и, открыв запертую дверь, вырвался в метель. Депутат Пуришкевич, преследуя Распутина, третьим выстрелом попал в спину, беглец остановился, новый выстрел угодил в голову, и Григорий упал. Наконец, всё ещё живого старца сбросили в полынью с Большого Петровского моста на Малой Невке.

Эта странная мистическая история существовала вплоть до недавнего времени. Материалы следствия засекречены. Однако в конце 90-х годов кое-что просочилось в свет, но об этом позже.

Казань и Григорий Распутин

©Ж

*Г. Распутин в фотоателье
А. Вяткиной. Казань, 1907*

Прошло более ста лет со дня гибели Григория Распутина – одной из самых противоречивых фигур в истории России. Исследователи обращаются к его пророчествам. Что бы ни говорили современники о Тобольском Старце, главное предсказание сбылось вскоре после его смерти: «Пока я жив, с вами всеми и с династией ничего не случится. Не будет меня – не станет и вас». Династия Романовых продержалась всего два с половиной месяца после его убийства.

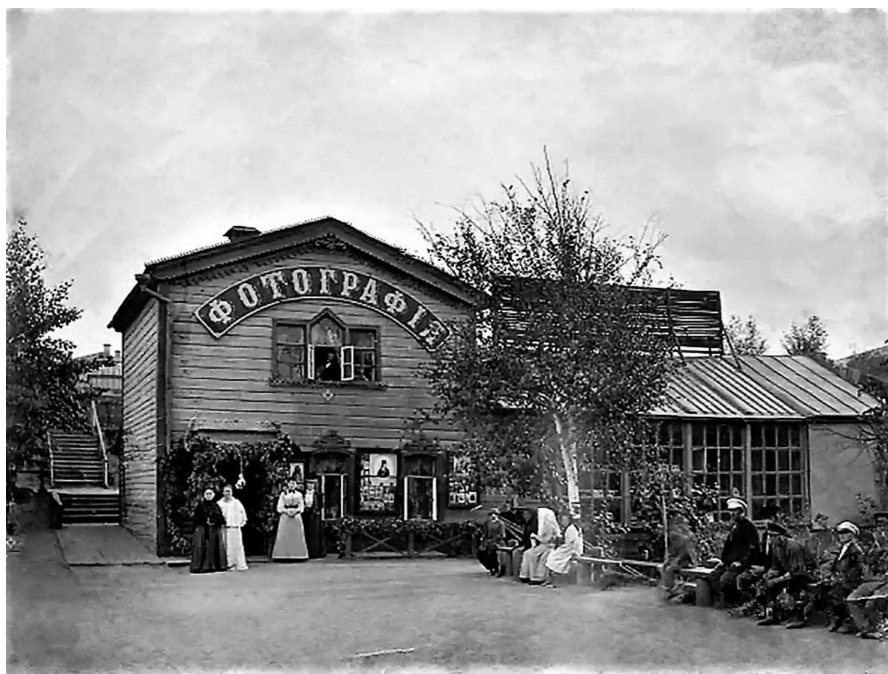
С раннего детства Распутин ощутил привязанность к Богу и вере. В 14 лет Гриша сильно заболел, родители уже и не надеялись, что он выживет, но мальчик неожиданно пошёл на поправку. По словам Григория, исцелила его сама Матерь Божия, которой он страстно молился всё время. Это и послужило толчком к более глубокому изучению Евангелия. Гриша был неграмотен, но заучил наизусть тексты молитв. В то же

время у него открылся дар провидца, ставший роковым в его биографии. Дочь Распутина Матрёна (1898–1977) вспоминала: «Однажды отец пахал и вдруг почувствовал, что всегда присутствующий в нём свет разрастается. Он упал на колени. Перед ним было видение: Казанская икона Божией Матери. Только когда видение исчезло, отца пронзила боль. Оказалось, колени его упирались в острые камни, и кровь от порезов текла прямо на землю».

После того как Распутину исполнилось 18 лет, он отправился в паломничество в Верхотурский монастырь, но в монахи так и не постригся. Через год он вернулся на малую родину и вскоре женился на Прасковье Дубровиной, родившей впоследствии ему троих детей. Заключение брака не стало препятствием к паломничеству. В 1893 году он отправился в новое путешествие, посетив десятки монастырей и великие святыни на горе Афон, в Иерусалиме, Печерскую Лавру в Киеве. Научился врачевать, не раз спасал неизлечимых больных. Недаром Распутин, которому едва исполнилось 30 лет, почтительно называли «старцем» – отнюдь не за возраст, а за опыт, веру и по православным канонам.

Но именно прибытие странника в Казань в начале 1900-х годов и казанский период жизни оказался поворотным в его судьбе. Не будь у Григория Распутина Казани, никто не узнал бы о «великом русском старце». Исходя из исследований известного казанского историка-краеведа Анатолия Елдашева, Распутин появился в Казани предположительно в 1903 году по приглашению вдовы казанского купца Пелагеи Башмаковой, с которой когда-то встретился на богомолье в Абалакском монастыре. Башмакова была известной благотворительницей, водила знакомства со многими казанскими священниками. Распутин говорил о ней так: «Простая душа. Богатая была, очень богатая и всё отдала... Новое наследство получила, но опять всё раздала... И ещё получит, и опять всё раздаст, такой уж человек».

Пелагея представила Григория Распутина некоторым священнослу-

*Фотоателье А. Вяткиной в Чёрноозёрском общественном саду.
Казань, начало 1900-х*

жителям, в том числе и настоятелю Седмиозёрной Богородичной пустыни, схиархимандриту Гавриилу (Зырянову, 1844–1915). В этой удалённой на 17 вёрст от города обители Распутин прожил некоторое время, участвовал в богослужениях совместно с братией. До сих пор сохранился монастырский странноприимный дом, где останавливались паломники и путешествующие – там он и жил.

После революции архиепископ Тихон (Троицкий) Сан-Францисский (1883–1963), в 1904 году студент второго курса Казанской духовной академии вспоминал: «Раз группа студентов посетила старца Гавриила, который по обычаю приглашал чайку попить в четыре часа. На чае среди гостей был и Распутин. В то время он был в почёте, посещал старца и, очевидно, был на большом счету у него. Когда Распутин стал говорить, что собирается в Петербург, то старец подумал: “Пропадёшь ты в Петербурге, испортишься”. На что Распу-

тин, прочитав его мысль, вслух сказал: “А Бог? А Бог?” Старец объяснил мне это как явный случай прозорливости Распутина».

Известно, что Григорий Распутин пытался получить у отца Гавриила разрешение на поездку в Санкт-Петербург, чтобы выхлопотать средства для строительства храма в селе Покровском. Об этом Распутин говорил так: «Сам я человек безграмотный, а главное без средств, а Храм уже в сердце перед очами стоит...» Летом 1904 года через схиархимандрита Гавриила Распутин знакомится с викарием Казанской епархии, епископом Чебоксарским Хрисанфом (Щетковским, 1869–1906). Много-часовые беседы и особый дар молитвы сделали своё дело, Распутин показался епископу человеком высокой подвижнической жизни, религиозно значительной, духовно настроенной личностью. Владыка Хрисанф присмотрелся к Григорию, вынес убеждение, что это незаурядный представитель нашего просто-

А. Н. Боратынский

народья, который достоин того, чтобы о нём узнали в столице, и дал Распутину рекомендательное письмо на имя ректора Санкт-Петербургской Духовной академии Сергия (Страгородского, 1867–1944), будущего Патриарха Московского и всея Руси. С этим письмом в конце 1904 года Григорий Распутин прибывает в российскую столицу Санкт-Петербург и останавливается в общежитии академии. Это подтверждал, рассказывая о своей первой встрече с Распутиным на допросе Чрезвычайной комиссии в 1917 году, духовник царской семьи, архиепископ Феофан (Быстров) (1875–1940): «Впервые Григорий Ефимович Распутин прибыл в Петроград зимою во время русско-японской войны из города Казани с рекомендацией ныне умершего Хрисанфа, vicария Казанской епархии. Остановился Распутин в Александро-Невской лавре у ректора Петроградской Духовной академии епископа Сергия». Ещё до его приезда, как вспоминал иеромонах Илиодор (Труфанов, 1880–1952): «Среди студентов пош-

ли слухи о том, что где-то в Сибири, в Томской или Тобольской губернии объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник по имени Григорий...»

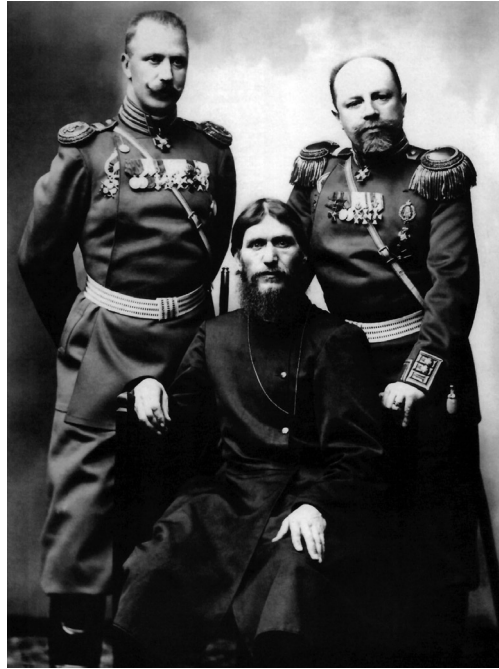
Обосновавшись в Санкт-Петербурге, Григорий Распутин неоднократно бывал в Казани. Гостил в Суконной слободе в доме учителя IV Казанского городского начального училища и одного из организаторов и руководителей черносотенного движения в Казани и Казанской губернии Павла Фёдоровича Мойкина. Его особняк возвышался на улице Пески (с 1900 года улица Дегтярная, сегодня на этом месте парк «Миллениум»), где произошла скандальная история, о которой после гибели Распутина в декабре 1916 года в № 7040–7043 писала газета «Казанский телеграф» и в № 282–283 газета «Камско-Волжская Речь». В публикациях говорилось следующее: «Отец Григорий, находясь в одном из многочисленных казанских публичных домов, расположенных на «Песках», просвещал души женщин и встретил упорное непонимание одной из обитательниц. Обычный посетитель довольствовался бы лишь телом, оставив в покое душу падшей женщины, но не таков был Григорий Ефимович. Сорвав свой пояс, Распутин, бичуя им голую девицу, прогнал бедную проститутку вдоль всей улицы на глазах остолбеневшей публики. В конце концов, женская гордыня была Григорием Ефимовичем укрощена, а душа спасена...» Распутин считал, что вся грязь и порок в человеке впитываются в его телесную оболочку, а душа его, омытая от этих грехов, может остаться чистой.

Сохранилось единственное казанское фото Григория Распутина, по которому попробуем определить год и место съёмки. В центре Черноозёрского общественного сада (ныне парк «Чёрное озеро») до революции располагалось деревянное двухэтажное фотографическое заведение, до конца 1907 года принадлежавшее жене губернского секретаря Анне Вяткиной. На первом этаже располагалась фотография, а на втором мастерская. Именно здесь

в один из своих многочисленных визитов в Казань фотографировался Распутин, о чём свидетельствует фотографический бланк с эмблемой А. Вяткиной. После 1907 года фотографический бланк был изменён, но, используя славу своей предшественницы, новый хозяин А. Несмелов указывал «Фотография А. Вяткиной, преемник А. Несмелов». Из этого можно сделать вывод что фотография, на которой Григорий Распутин запечатлён с большим золотым крестом на груди сделана не позднее 1907 года.

В каком же году и откуда золотой крест появился у Григория Распутина? В своей книге «Святой чёрт (Записки о Распутине)» Илиодор написал с его слов, что это подарок Царя: «А видишь на мне крест золотой? Вот смотри, написано: “Н”. Это мне царь дал, чтобы отличить. Этим крестом я бесов изгоняю... Попы сибирские злятся, что я этот крест ношу, а мне что царь дал, повесил, так какой поп, либо архиерей может снять с меня этот крест?» Об этом кресте вспоминал и министр внутренних дел Александр Протопопов (1866–1918): «Забота и внимание к нему со стороны царицы было особое: его рубашки были ею вышиты, шёлковые, крест на шее был золотой, на золотой цепи и застёжка была “Н”, с буквою государя».

С императором и его супругой Александрой Фёдоровной Распутин познакомился поздней осенью 1905 года. Об их первой встрече Государь Николай II записал в своём дневнике: «1 ноября 1905 г. Вторник. Петергоф. Холодный ветреный день. От берега замёрзло до конца нашего канала и ровной полосой в обе стороны. [...] В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.» После этого они встречались два раза в 1906 году, один из них в октябре. В дневнике царя есть записи: «18 июля... Вечером были на Сергиевке и видели Григория... 13 октября... В 6 1/4 к нам приехал Григорий, он привёз икону Св. Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с нами до 7 1/4...» Именно тогда Распутин впервые увидел царских

Г. Распутин с полковником Д. Н. Ломаном и генерал-лейтенантом, князем М. С. Путяниным

детей и начал оказывать помощь Цесаревичу Алексею, больному гемофилией.

А вот систематическое общение Распутина с Царской семьёй началось с лета 1907 года, после того как он не только облегчил страдания трёхлетнего Цесаревича Алексея, но и спас его от смерти. Возможно, в знак благодарности Государём и был подарен Распутину золотой крест.

Из всего вышесказанного можно предположить, что казанская фотосъёмка состоялась во второй половине 1907 года. Вероятно, зимой. В это время Распутин посетил усадьбу Александра Николаевича Боратынского (1867–1918), предводителя Казанского и Царёвококшайского дворянства, внука известного поэта Евгения Боратынского.

Дом Боратынских располагался на бывшей Большой Лядской улице. Сегодня в нём располагается дом-музей Евгения Боратынского (ул. Горького, 25/28). В его архивных фондах сохранились воспоминания Ольги Ильи-

Ольга Ильина-Боратынская, 1900-е

ной-Боратынской (1894–1991), дочери Александра Боратынского, о Распутине. Сотрудники дома-музея предоставили эти бесценные свидетельства, которые значительно дополняют портрет Распутина, раскрывают некоторые черты его характера и непростой нрав.

В тот день Ольга Александровна сидела на одном из широких подоконников голубой гостиной, блаженно расслабляясь между занятиями музыкой и французским, и вдруг... Вот её воспоминание: «...Сани извозчика завернули из-за угла и остановились у нашего переднего входа. В санях сидел крестьянин с густой коричневой бородой. Борода сливалась с медвежьим мехом его огромного воротника и лохматой меховой шапкой.

Но почему извозчик привёз его к нашему переднему входу? Когда к нашей семье приезжали крестьяне, они обычно делали это в своих санях и заезжали сразу на задний двор. Они входили через чёрный вход в гостиную для слуг, там им предлагали чай, и они ждали,

пока их примут папа или тётя Катя. Этот крестьянин, однако, вылез из саней с изящным, совсем новым саквояжем в руках. Было совершенно очевидно, что приехал именно туда, где и собирался остановиться. Он обвёл глазами дом, увидел меня, сидящую на окне, и долго смотрел, словно впечатывая меня себе в голову. Затем достал из кармана кошелек, вынул несколько банкнот и важным жестом отдал их извозчику, очевидно, переплачивая вдесятеро. Секунду извозчик стоял ошарашенный, затем стащил с себя шапку, и, делая отрывистые небольшие поклоны, спрятал деньги в карман, подстегнул лошадь и уехал. Косматый крестьянин выстрелил в меня ещё одним быстрым взглядом, будто желая убедиться, что я была свидетельницей сцены, и стал подниматься к передней. Вскоре прозвенел звонок.

К этому моменту я была достаточно заинтригована, чтобы соскользнуть со своего подоконника, пробраться в прихожую и встать возле телефона, откуда я могла всё слышать, оставаясь незамеченной.

“Сейчас, смотри, братец, – я услышала, как Арсений говорил человеку неторопливым, спокойным голосом, – ты сам должен знать. Теперь обойди к заднему входу, зайди в переднюю для слуг и жди там. Хозяин дома, и я скажу ему, что ты здесь”.

Голос, ответивший на эту заботливую речь Арсения, меня поразил. Он был медовый, чарующий, смысл слов резко контрастировал с тем, как они звучали. “Я буду сидеть прямо здесь и ждать. Сначала отнеси это письмо своему хозяину. Посмотри, как он читает, а затем пусть он тебе скажет, через какой вход мне заходить”.

Это было достаточно неприятно, но увлекательно. Я слышала, что Арсений запер человека в вестибюле, ворча и вздыхая, прошёл в кабинет к папе. Я решила, что теперь могу покинуть своё убежище и проникнуть внутрь с Арсением.

Папа работал за столом. Когда поднос с письмом появился перед ним, он

Усадьба Боратынских

нахмурился оттого, что его прервали, но когда увидел почерк на конверте, быстро открыл его и прочитал записку, что была внутри. Затем он поднялся. “Впусти этого человека, Арсений, пусть он подождёт меня в передней, – сказал он. – Я буду через несколько минут”.

Я знала, что вполне могу последовать за папой и что он шёл в комнату к тёте Кате, чтобы обсудить полученное письмо... “От Анны”, – сказал папа, отдавая письмо тёте Кате. “Крестьянин, принёсший эту записку, видимо, какое-то важное лицо при Дворе, и Анна хочет знать моё о нём мнение. Но я хотел обсудить с тобой, в особенности постскрипtum”.

Письмо было коротким... “Тот, кто принесёт это – Григорий Ефимович Распутин, крестьянин из Сибири, который произвёл здесь огромное впечатление, особенно на Императрицу, своей необычайной личностью, духовной глубиной и целительными силами, которые он продемонстрировал. Он на пути из Петербурга в свою родную деревню, недалеко от Тобольска, меняет поезда в Казани, и я осмелилась попросить его обратиться к тебе, чтобы ты мог хорошо его разглядеть и после поделиться своими впечатлениями со мной. Ты знаешь, как для меня важно твоё мнение

о людях, а это – особенный случай, потому что интенсивность внутренней жизненной силы в этом совершенно необразованном и невоспитанном человеке поражает. Так же как интерес и внимание, которое он привлекает здесь. Лично я глубоко впечатлена его даром молитвы и выдающимся мистическим опытом, о котором у нас с ним было несколько вдохновляющих разговоров. Для меня будет много значить, если он увидит и благословит детей”. После этого был постскрипtum: “В случае если Григорий Ефимович останется на обед, пожалуйста, не просите его есть вместе со слугами, потому что Император и Императрица часто принимают его за своим столом”.

Папа и тётя Катя какое-то время говорили на английском, на языке, который я в то время ещё не понимала, после чего папа сказал с весёлым энергичным кивком: “Хорошо, давайте посмотрим. Я поговорю с Арсением и Настей, чтобы им было проще, мы все знаем, как они будут себя чувствовать, если мужик останется на обед и им придётся ему прислуживать”.

Следующее воспоминание: «...Моего шестилетнего брата Алика и меня позвали в папин кабинет, видимо, чтобы быть представленными Распутину

и чтобы он нас благословил. Когда Алик и я вошли в кабинет, Распутин стоял в середине комнаты и говорил с папой. Без пальто и большой шапки он выглядел иначе, чем я его представила себе, увидев впервые.

Всё-таки высокий и ширококостный, он был худее, чем выглядел в верхней одежде, хорошо сложен и вполне опрятен. Его коричневые волосы были ровно разделены пробором посередине, он был пострижен по-крестьянски, что называлось “в скобку”. Несмотря на то, что на нём была обычная русская красная рубаха, она была необыкновенно длинной, из тафты, по меньшей мере, на полметра ниже пояса, а под ней выглядывал край другой похожей рубахи, тоже из тафты, только голубой. Раньше я видела, что богатые крестьяне носили шёлковые и сатиновые рубахи, но никогда из тафты, а уж тем более вот так, две сразу. Вообще, зачем это?

На груди этого человека висел большой золотой крест. Не маленький крестильный крестик, который носят многие русские под одеждой, но массивный, из золота, похожий на те, что носят священники.

“Вот двое из моих детей, – сказал папа человеку, когда тот увидел, что мы вошли. – Моя дочь Ольга и мой сын Александр”.

Распутин изучающе посмотрел на меня, сделал шаг в мою сторону, поднял свою большую руку и тяжело опустил её на мою голову, его острые глаза впивались в меня с совершенно ненужной силой. И сразу же во мне появилась некая противосила, которая устремилась к моим глазам, так может быть с человеком, которого неожиданно и совершенно беспричинно вызвали на бой, и вот я стала тяжело смотреть на него в ответ.

Конечно, не заметивший моего воинственного ответного взгляда, который я сохраняла на протяжении этого торжественного благословения, Распутин повернулся к отцу с ободряющим кивком и сказал: “Живучка” (имея в виду что-то вроде “долгожительница”), а после повторил всё то же самое с Аликом. “Жи-

вуч” – предсказал он, посмотрев в ясную и беспристрастную голубизну его глаз.

После того, как желание тёти Анны было исполнено, нам было позволено удалиться до обеда. У меня было неприятное чувство от того, что неряшливый мужик с сахарным голосом и нахальными глазами будет сидеть с нами за обедом, будто что-то неверное, но неизбежное происходило в нашем доме.

Вскоре моё беспокойство возросло. Я шла в столовую коротким путём через коридор, когда услышала воинственный голос нашей горничной Насти, звучащий из кладовой. Он сопровождался выразительным грохотом посуды, объявлявшим всему дому, что она думала о ситуации.

“Святой человек, они говорят! Целитель! Наряжен, словно клоун и, если хотите, носит епископский крест из чистого золота... а руки такие грязные, что целая неделя понадобится, чтобы отмыть... и при этом будет сидеть рядом с нашим баринком!”

Кроме нашей семьи за столом были ещё три человека: *Madame Colton*, моя туго затянутая в корсет французская горничная, *Monsieur Paul*, учитель французского моего старшего брата, высокий и симпатичный молодой человек с завивающимися усами “*à la Guillaume*”, и гувернантка Алика. Все они были с нашей семьёй достаточно долго, чтобы чувствовать себя её частью. Кроме них, ожидалась ещё три наших *habituées* – младшая сестра моего папы Ксения с сияющими глазами и вдохновенными движениями головы и художник Томин, наш учитель искусства. Третьим гостем была *Mimi Dunn*, рыжеволосая бледнолицая девица лет тридцати. *Mimi* была полностью обрусевшей шотландкой; казалось, что она совершенно предана тёте Кате, но позже я поняла, что, в основном, её привлекал мой отец.

Все люди за столом сидели не на своих обычных местах, я оказалась прямо напротив Распутина, тётя Катя была на своём привычном месте во главе стола, но отец, вместо того, чтобы быть напротив, сидел справа от неё, а Распутин – между ним и тётей Ксенией. Хотя

до сих пор никто из взрослых понятия не имел, что за человек был Распутин, вероятность неудобных моментов заставила тётю Катю посадить его рядом с самыми находчивыми собеседниками, к тому же они оба хотели узнать о нём побольше.

Распутин, в свою очередь, не испытывал затруднений, говоря о себе. Во-первых, он был в прекрасном расположении духа, в ожидании хорошей еды и чувствовал себя необыкновенно важным, кем-то, кто заслуживал чести пользоваться особым расположением “государей всея Руси”, а значит, вероятно, считал, что все остальные должны быть почтены его присутствием. Волны неприязни, исходящие от меня, совершенно очевидно, до него вовсе не доходили. Однако Настины – точно доходили. Несколько раз я замечала, как он смотрел на неё со снисходительной ухмылкой, словно она была не завоёванным врагом, которого он может уничтожить, когда только захочет.

В самом начале обеда, когда Настя уже хотела поставить перед Распутиным тарелку с супом, ему захотелось достать расчёску, и он стал проводить ей по своим масляным волосам. Тарелку быстро убрали, и Настя ждала с каменным презрением, пока он закончит своё занятие.

“Поставь, поставь, я не пролью”, – повернулся к ней Распутин. Суповая тарелка опустилась на сервировочную с резким звуком.

“Мрачная она”, – Распутин подмигнул тётке Кате, которая смотрела на него с интересом, но полностью сбита с толку. Прежде чем начать есть, он развернул свою салфетку и вытер ею лицо и бороду. С этого момента я больше не жалела, что сажу напротив. Мои глаза следили за каждым его жестом, моя память схватывала всё, что он говорил, особенно те странные слова, которые, как я поняла, были сибирскими эквивалентами русских, хотя некоторые из них звучали так, словно он сам их переделал. Такие, например, как “шо-шо-шо”. Было ясно, что он использовал слово “шо” вместо русского вопросительно-

го “что”, после каждого обращённого к нему вопроса. Но он повторял это слово, будто нанизывал чётки, до тех пор, пока ему в голову не приходил подходящий ответ. Тогда он закрывал глаза, будто пытаюсь проникнуть в тайную глубину вопроса, затем резко и с силой открывал их и впивался взглядом в собеседника. Я не понимала, зачем ему нужно было всё это проделывать, если вопросы были достаточно простыми и ясными, а его ответы все казались похожими и подготовленными.

“Значит, вы на пути в ваш родной город, в Тобольск? – спросила тётя Катя. – И как долго вы планируете там остаться?”

“Шо-шо-шо... шо-шо?” – Многозначительная пауза, затем его глаза открываются и резко впиваются в тётю Катю лицо: “Я ничего не планирую; я спрашиваю Господа. Когда Он скажет мне ехать, я поеду”.

“Правда, что крестьяне в Сибири особенно преуспевают?”

“Не знаю, как другие, но люди в моей деревне – определённо да”.

“Как случилось, Григорий Ефимович, – повернулась к нему с неподдельным интересом тётя Ксения, – что как только Вы приехали в Санкт-Петербург, Вас сразу приняли в Императорском дворце?”

На этот раз нить из “шо-шо-шо” была самой длинной, пока в конце концов он не сказал, кивая в сторону папы: “Он уже знает об этом, может вам рассказать”, – своим тоном закрывая тему.

Вежливый французский шёпот, доносившийся на заднем фоне с другого конца стола во время беседы, время от времени затихал – тогда, когда *Madame Colton* и *Monsieur Paul*, не слишком хорошо понимавшие по-русски, улавливали суть разговора. Такое молчание наступило, когда маленький Алик, до этого момента наблюдавший за Распутиным неподвижным прозрачным взглядом, вдруг решил говорить. “Почему вы носите крест? – спросил он. – Вы священник?”

“Нет, сынок. – В этот раз не было никакого промедления. – Я ношу его,

потому что он подарен Царицей. Я не священник, но ближе к Богу, чем многие священники, и Царица это знает”. Несколько позже, когда его спросили о том, как его приняли при дворе, казалось, что он не хотел много говорить, как будто из почтения не желая обсуждать частную жизнь царской семьи, к которой он был допущен».

Ольга Боратынская продолжает своё повествование: «Был один вопрос, который мне особенно запомнился, потому что взрослые потом его обсуждали. Тётя Ксения, запрокинув голову, с вызовом в голосе и светящимися глазами повернулась к Распутину: “Как я понимаю, вы – религиозный человек, человек Божий, возможно, затворник, это так? Так как тогда влияет шумная жизнь в Санкт-Петербурге на вашу жизнь в уединении и молитве?”

Необыкновенно длинная нить из “шо-шо-шо” и пауз, а затем: “Я спросил об этом Бога, когда впервые приехал в Санкт-Петербург. “Зачем Ты послал меня сюда? – Спросил я Его. – Почему Ты проверяешь меня таким образом?” И Он сказал мне: “Куда бы Я тебя ни послал, там тебе и надо быть. Люди могут ненавидеть тебя, поскольку они будут тебе завидовать, но ты должен вынести это, ибо ты нужен”.

“Григорий Ефимович, – наконец сказал папа, – скажите, как вы можете отличать голос Бога от других голосов, которые постоянно звучат внутри нас и обращаются к нам?”

То ли это был вопрос, сложность которого понять Распутин не мог, то ли как раз наоборот, ответить на этот вопрос ему было проще всего, однако на этот раз не было почти никаких “шо-шо-шо”.

“А как вы отличаете свой голос от её?” – и он кивнул в сторону тёти Ксении. “Или его голос?” – он указал ложкой на *Monsieur Paul’a*, который закручивал свои тёмные усы. “От её?” – и ложка указала на меня.

Тётя Ксения вдруг рассмеялась. Это был неожиданно радостный смех, направленный не на Распутина, но, скорее, на всех остальных. “А знаете, это хороший ответ, – сказала она, может

быть, с такой же интонацией, с какой приободряла учеников в своей школе. – Такой простой ответ, ты не находишь, Саша?” Она посмотрела на папу: “И всё-таки прямо в яблочко”.

Это последнее замечание, должно быть, не только ободрило Распутина, но, очевидно, и польстило ему, что произвело весьма удивительную перемену в его поведении. Но после восторженной похвалы тёти Ксении он, должно быть, почувствовал, что в глазах аудитории восстановил свою репутацию исключительного человека, каковым он себя ощущал. Теперь он мог наслаждаться вкусом жареной телятины с грибной подливкой и хрустящим картофелем, лежавшими у него на тарелке, а в особенности высоким стаканом вина, налитого для него Арсением.

К сладким винам Распутин привык в монастырях и мог их переносить в очень больших количествах.

«Возможно, главным образом именно этот бокал вина, который он выпил одним глотком, сделал своё дело, но настроение Распутина как-то вдруг стало подниматься, переходя вместе со следующим бокалом в какое-то развязное, опрометчивое шутовство. Теперь он был готов блистать, всех развлекать, шутить и дразнить и говорить разные глупости. Дразнил он, до неприличия неуклюже, в основном, двух молодых женщин – тётю Ксению и *Mimi Dunn*.

В какой-то момент сразу после горячего я испугалась, увидев, как он схватил тётю Ксению за руку, а затем неожиданно, с приторной улыбкой, приобнял её за плечи. К моему огромному облегчению, она резко выпрямилась, убрала его руку и, найдя ледяным взглядом его глаза, сказала: “Здесь не делаются подобные вещи”.

Его это вовсе не остановило, и он подмигнул *Mimi*, приглашая её разделить его веселье, и с тех пор сосредоточил все свои усилия на ней. Почему она до сих пор была не замужем, ему очень интересно знать. Ей уже, должно быть, далеко за тридцать, ей бы выйти замуж за подходящего вдовца, хорошего, вроде моего отца, предложил он. Что

вы думаете? И он посмотрел на тётю Катю, ища поддержку своей замечательной идее.

Тётя Катя отвернулась от него так, словно ничего не слышала; мне было стыдно за него, и я боялась смотреть в сторону отца; *Mimi* сделала вид, что полностью поглощена поеданием жареной картошки и опустила голову, её лицо было цвета светлого помидора.

“Григорий Ефимович, – сказал папа как-то слишком спокойно, – сегодня вы самый интересный человек среди нас, и именно о вас мы бы хотели услышать больше”.

То, что привлекательное предложение отвлечёт Распутина от его маленьких игр, вызывало сомнения, но в этот момент зазвонил телефон. Арсений ответил, затем подошёл к папе и сказал ему что-то тихо. Очевидно, было что-то срочное. Папа встал из-за стола, беспокойно хмурясь, и извинился. Когда он вернулся в столовую, он не сел, а только распорядился, чтобы Арсений немедленно сказал кучеру готовить сани, он должен был ехать к Якоби. У профессора Якоби, его близкого друга, только что случился сердечный приступ; его жена, которая только что позвонила, попросила его приехать, если он только может, и по пути забрать медицинскую сестру из Общества Красного Креста.

“Пожалуйста, продолжайте обед без меня, – сказал он всем. Затем, обратившись к Распутину. – Мне жаль, но я должен сказать вам до свидания, если вас уже не будет здесь, когда я вернусь”.

На что Распутин ответил ободряюще: “О, не переживайте, я вас ещё увижу. Я буду здесь, всё в порядке”.

Отец все ещё был в прихожей, где мог слышать разговоры из столовой, когда Распутин вернулся к теме *Mimi Dunn*.

“Она любит его, смотрите, как она краснеет! Она его всё время любила, – проинформировал он нас громко. – Она хочет, чтобы он взял её в жены”.

“Вы полностью ошибаетесь”, – сказала тётя Катя таким тоном, каким она обычно делала замечания нам, детям.

Распутин поднял руку с вилкой и по-

грозил ей: “Нет, я не ошибаюсь. Господь открывает мне мысли, что приходят людям в головы, так что я не могу ошибаться”. (Однако, даже я видела, что Господь не побеспокоился о том, чтобы открыть ему мысли людей, сидящих вокруг него за столом.)

“Почему Он открывает их именно вам, а не кому-то из нас?” – спросила тётя Катя.

“Потому что Бог дал мне этот дар. Он многое мне даровал за мои молитвы. Я могу просто посмотреть на человека и спросить Господа: “Что у него на уме?” (Для пушей выразительности Распутин постучал себе по лбу вилкой.) Вот он, например, – он кивнул в сторону художника Томина. – Я его вижу в первый раз – и вот он сидит, смиренный и тихий, и всё-таки я могу сказать, что в нём есть что-то особенное. Бог много ему дал, но это не то же самое, что имею я. Когда смотрит вокруг, он замечает всё, но это всё – только то, что снаружи, в то время как я вижу то, что внутри. Вот в чём разница. Бог дал нам разные дары. Только ты, – он резко посмотрел через стол на Томина, – только ты много грешешь. Боже мой, какой же ты грешник!”

Косматые брови Томина забавно поднялись над его светло-голубыми глазами: “Как же я грешу?”

“С тобой – это старая история, всегда так было. Ты начнёшь одно дело и тут же его бросишь. Начнёшь другое и опять бросишь, не закончив. Богу такое не нравится, и нет тебе счастья”.

“О, это действительно замечательно! – воскликнула тётя Катя удивлённо и повернулась к Томину. – Разве это не то, что я всегда вам говорю, Александр Иванович? Вы всегда не удовлетворены своей работой, даже когда люди восторгаются ею. Вы всегда слишком критичны».

С этого начался сеанс психологического гадания, проводимого Распутиным.

Я знала, что прежде чем отец ушёл к профессору Якоби, он предложил тёте Кате позвонить нескольким близким друзьям и попросить их заглянуть на послеобеденный кофе и познакомиться с Распутиным. Это бы заинтере-

ресовало их, а ей так было бы проще вытерпеть вечер. Она так и сделала, и несколько человек пришли. Мне было позволено остаться на час дольше, и я помню, как я сидела в гостиной, снова слушая Распутина. По всеобщему настоянию он продолжил анализировать одного за другим людей вокруг. Пусть выраженные неуклюже, его набросочные характеристики по большей части достигали мишени, потому как все вокруг смеялись, восклицали и просили продолжения.

Одна из таких характеристик, особенно впечатлившая всех, касалась двадцатипятилетней девушки, дочери одного очень богатого местного землевладельца Сашеньки Д. Всем было известно, что либеральные взгляды Сашеньки резко противоречили консервативным взглядам её родителей. Но было совершенно невозможно, чтобы об этом знал Распутин, или чтобы он вообще что-то о ней слышал.

«Ну, скажите мне, какая я, – попросила она с вызовом, – может, вы знаете обо мне больше, чем я сама?»

Она сидела, только что вернувшись из путешествия в Париж, её плечи были укутаны боа из страусиных перьев, а из-под широких оборок её юбки выглядывали лакированные туфли на высоком каблуке.

«Конечно, я могу сказать о вас такое, чего вы сами о себе не знаете, – ответил Распутин. – У вас доброе сердце, вы хотите быть хорошей для крестьян у вас в деревне, правда? Ну так вот, вы всё делаете не с той стороны. Крестьянам не хочется, чтобы их барышня была революционеркой – а вы именно такая. Вы их смущаете, и они не будут вас за это любить, а когда время придёт, покажут вам что к чему». Я заметила, как после этих последних слов тётя Катя быстро и серьёзно переглянулись с тётей Ксенией».

Эту удивительную способность Распутина читать то, что творится в душах и мыслях окружающих его людей, угадывать характеры, отмечают многие его современники. Литератор Елена Джанумова, к примеру, так описывала

один из случаев прозорливости старца. Она пригласила Григория Ефимовича и других своих друзей в свой московский дом. Среди этой компании находился человек, который когда-то был её женихом. Джанумова пишет: «Об этом никто не знал.... Он был давно женат и счастлив. Я тоже была замужем. После обеда Распутин вдруг сказал мне: “А ведь вы друг друга когда-то очень любили, но ничего не вышло из вашей любви. Оно и лучше, вы не подходящие. А эта жена ему больше пара”. Я была поражена его изумительной пронизательностью. Не было никаких признаков, по которым он мог узнать о том, что так давно было, и о чём мы сами совсем забыли».

Ольга Боратынская описывает встречу дальше: «Час спустя, когда гости ещё сидели, а Распутин продолжал разглагольствовать, отец вернулся от Якоби напряжённый и расстроенный. Он сказал нам, что состояние профессора было серьёзным. У доктора всё ещё были надежды, но он не мог ничего обещать».

Затем он повернулся к Распутину: «Григорий Ефимович, – сказал он, решительно нахмурившись, – я заказал Вам номер в *Hotel de France*. (Меблированные номера “Франции” располагались на улице Воскресенской, сейчас – улица Кремлёвская 15/25. В этом здании разместился отель “Джузеппе”).

Это лучшая гостиница в городе, совсем недалеко от Якоби, так что мне удалось посмотреть комнату, которую они для вас приготовили. Я хочу, чтобы вы были моим гостем там”.

Поскольку Распутин выказал нежелание подыматься с кресла, тон отца стал почти суровым: “Мне жаль, что я должен вас торопить, но недавно пошёл очень сильный снег. Похоже, что приближается пурга, и мой кучер ждёт вас, чтобы отвезти в гостиницу. Так что пора идти”.

Распутин стал медленно вставать. Я не видела, как он уходил, так как тётя Катя немедленно отправила меня в кровать».

Другая сверхспособность, которую отмечали знакомые Распутина, – это

его дар целителя. Известен факт, что столичные светила медицины не могли облегчить участь цесаревича Алексея, страдавшего тяжёлым недугом – гемофелией. В один из дней, когда консилиум врачей не мог поручиться в счастливом исходе болезни и объявил, что мальчик обречён, императрица в отчаянье срочно шлёт телеграмму Распутину и получает такой ответ: «Молился, маленький будет жить...» И действительно – на следующий день Алексею стало лучше. После этого императорский дом проникся к старцу ещё большим доверием.

Подобная ситуация произошла и в Казани, её в своих воспоминаниях описала Ольга Боратынская: «Следующим утром жена профессора Якоби рассказала отцу, что происходило в её доме ночью. Мой отец всё это записал в мельчайших деталях несколько лет спустя, когда имя Распутина стало известно по всему миру.

Была почти полночь, когда Мадам Якоби, маленькая хрупкая женщина с быстрыми птичьими движениями и извиняющейся улыбкой, сидела у кровати мужа, прислушиваясь к его дыханию и держа его за руку. Он только что заснул после успокоительного. Она молилась, глядя на лампаду, горевшую у иконы в углу. Профессор спал полусидя – голова его покоилась на нескольких подушках. Длиннолицая сестра милосердия в белом накрахмаленном халате и холщёвых тапочках неслышно то входила, то выходила из комнаты. За окном шёл снег, и было так тихо, как может быть только у старого жилого дома на пустынной улице в зимнюю полночь.

Поэтому, когда Мадам Якоби вдруг услышала тяжёлые шаги, поднимающиеся к её парадной, она выпрямилась, напряжённо прислушиваясь. Мог ли снова вернуться доктор? Она знала, что это не мог быть он. Зазвенел звонок. В следующее мгновение Мадам Якоби, её толстая кухарка в ночной рубашке и накрахмаленная сиделка собрались в прихожей, перешёптываясь и боясь открыть дверь.

Звонок снова зазвонил. На двери была цепочка, и, не убирая её, Мадам Якоби приоткрыла щель и спросила: “Кто там?” В тусклом свете уличного фонаря она увидела, что там стоял крестьянин с большой бородой, одетый в широкую доху, его высокая меховая шапка и плечи были запорошены снегом. Испуганная, она хотела было уже захлопнуть дверь, но голос этого человека, неожиданно мягкий, даже сочувствующий, послышался сквозь дверную щель. “Это здесь лежит больной? Открой, сестрица, позволь мне войти. Я пришёл, чтобы помочь! Чтобы помолиться за него”.

Мадам Якоби была не в состоянии сказать, что произошло после этого. Всё, что она знала, это то, что в следующее мгновение незнакомец был уже в доме, в прихожей, а она показывала ему путь к мужу.

Войдя в комнату, мужчина лишь мельком взглянул на профессора и сразу же прошёл к иконам в углу, упал на колени и надолго замер в позе глубокой молитвы.

Мадам Якоби и сиделка, нервно последовавшая за ней, обе застыли в каком-то мистическом благоговейном трепете, смешанном с самым что ни на есть реалистическим страхом, что как только странный посетитель встанет с колен, он тут же достанет из-под полы своего пальто топор и убьёт их всех, прежде чем ограбит дом.

Однако человек поднялся на ноги, не отрывая взгляда от икон. Он простоял так ещё какое-то время очень тихо, со смиренно склонённой головой. Затем он подошёл к кровати больного, медленно перекрестил профессора и указал Мадам Якоби проследовать за ним в прихожую. “Теперь держитесь и молитесь Господу, – сказал он низким проникновенным голосом. – Мне действительно жаль вас! Действительно жаль! Поскольку воля Господа на то, чтобы ваш муж умер”.

У бедной Мадам Якоби даже не было времени спросить этого человека, откуда он узнал о её муже и его болезни. Всё это было настолько непонятным, а

сам момент в высшей степени трагичным. Всё, что она могла сделать, это опуститься на колени у кровати мужа, сжимая его безвольную руку.

Она смутно слышала, как незнакомец низким голосом что-то говорил сиделке, прежде чем входная дверь за ним захлопнулась. Она с трудом могла сказать, сколько она находилась в этом состоянии тупого отчаяния, прежде чем подпрыгнула от очередного звонка в дверь. Она снова понеслась к двери.

“Кто там? – Её голос обрывался. – Что вам нужно?”

“Хорошие новости, хорошие новости для вас!”

Это был тот же человек, с тем же голосом, правда, на этот раз он был полон жизни и ликования. “Не бойся меня, сестрица. Открой же! Открой, я тебе говорю!”

Теперь он мог её убить, если бы хотел, ей было всё равно. Она открыла.

Человек переступил через порог и тяжело упал перед ней на колени, дотрагиваясь лбом до пола. “Прости меня, грешного! – воскликнул он. – Я зря тебя напугал и прогневил Господа! Когда я шёл от твоего дома, Господь вдруг остановил меня. «Вернись! – сказал Он мне. – Немедленно вернись! Что сделал этой бедной женщине? Зачем ты её напугал? Вернись и проси у неё прощения. Её муж вовсе не умрёт, а будет жить! Через несколько дней он даже будет сидеть на большом кресле у кровати и пить с ней чай”. Вот, что Господь сказал мне”.

И, вставая на ноги, он добавил искренне счастливым голосом: “Теперь тебе нечего беспокоиться о твоём муже, сестрица. Ты можешь спокойно ложиться отдыхать и благодарить Бога за его щедрость”.

“Но... как получилось, что вы узнали о моём муже?... Кто сказал вам, что он болен? Кто вы?” – пробормотала она, совершенно сбита с толку.

“Моё имя Григорий. Григорий Ефимович Распутин, не забудь”. А затем, когда он было уже выходил за дверь, добавил: “Но даже если ты теперь за-

будешь моё имя, ты вскоре его вспомнишь, сестрица”.

И вот одним утром, всего через день после случившегося, когда отец снова поехал навестить Якоби, он нашёл очаровательного голубоглазого седого профессора в кресле у кровати, с чайным подносом на коленях. Он всё ещё выглядел бледным и слабым, но как только увидел, как входит отец, едва заметная хитрая улыбка начала растягивать его губы.

“Видите? Моя жена подняла меня с одра болезни, чтобы новоиспечённый пророк и целитель не потерял лица”, – сказал он.

Несмотря на благожелательный и получудесный визит Распутина к Якоби, отец, как бы то ни было, не имел желания продолжать знакомства с этим человеком. Следующим утром, прежде чем уйти по делам, он отдал Арсению приказ не принимать Распутина в доме. “Хозяев нет дома, – должен был сказать Распутину Арсений, – и они не будут принимать никого ни сегодня, ни завтра”. На случай, если Распутин захочет пройти через чёрный вход и кухню, что было вполне возможным, там тоже должно быть заперто. Все слуги с большой радостью приняли это указание. И действительно, Распутин появился на следующий день, и когда ему было отказано в парадном входе, он попытался зайти через заднюю дверь.

Я была дома. Я слышала, как он стучался в дверь, но никто ему не ответил. Мёртвая тишина.

Я беспокойно побежала из одной стороны дома в другую в надежде увидеть, как он уходит, и в конце концов поймала взглядом его высокую, закутанную в пальто фигуру, садящуюся в сани и исчезающую из вида. И только тогда я смогла вздохнуть с облегчением и продолжить мои упражнения за пианино”.

Ксения Боратынская (1878–1958), ещё одна тётя Ольги Александровны, которая тоже сидела за столом в ту первую встречу, опубликовала свои записки в книге «Мои воспоминания»: «20 декабря узнали, что убит Распутин. У всех была смесь глубокого удовлетворения

с каким-то жутким чувством. Кстати, расскажу о моей встрече с этим вырожденком...

Он сидел за столом, когда я вошла в столовую. Я не имела понятия о том, кто это, но сразу поразили его пронизывающие как бурава глаза, несмотря на их почти белый цвет. Он как-то весь подёргивался, кривлялся, очевидно, изображая юродивого. Все на него смотрели с интересом, тем более, что уже стали ходить слухи, что он обладает какой-то гипнотической силой и исцеляет больных. Только одна наша горничная Настя, стоя по своему обыкновению боком, говорила: «Какой это святой – мужик и мужик». И, обращаясь к нему, говорила ему на «ты» не очень-то любезным тоном. После завтрака он просил показать ему дорогу – куда-то, не помню. Мы с Тоней взяли его проводить, да и не обрадовались! Вышли на улицу. Какой же был ужас, когда он нас с двух сторон запахнул в свою огромную шубу и обнял. Тоня вырвалась и, захлёбываясь от смеха, перебежала на другую сторону улицы, а я шла, так как держал он крепко, оглядываясь, не видит ли кто такой картины. Наконец, дойдя до угла, я ему показала направление и убежала».

В 1908 году Григорий Распутин привозит в Казань свою 10-летнюю дочь Матрёну, окончившую церковно-приходскую школу в родном селе Покровском. Он отдаёт дочь казанским купцам «К...» для подготовки к поступлению в одну из самых престижных школ дореволюционной Казани – Мариинскую женскую гимназию, которая находилась на углу Петропавловской улицы и Петропавловского переулкa (сегодня там находится Лицей им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета, улица Рахматуллина, дом 2/18). Вскоре Матрёна поступила в гимназию и проучилась в ней до 1910 года, пока отец не настоял, чтобы дочь перебралась в Петербург и продолжила учёбу в женской гимназии Е. Н. Стеблин-Каменской Министерства Народного Просвещения. Об этом пишет в своей книге «Дневник Распутина» Даниил Коцюбинский.

Через несколько лет, все те, кто был в дружеских отношениях с Григорием Распутиным и верил в его способности, резко изменили к нему своё отношение. В Казани Распутин познакомился с архимандритом Андреем (князем Александром Алексеевичем Ухтомским, 1873–1937). Распутин стал часто бывать у него и останавливался ночевать в его квартире. В августе 1907 года об архимандрите Андрее рассказывал Распутин тобольскому священнику: «Знаю там Ухтомского – архимандрита Андрея. Много любви в нём! Весь полон любви. Ни одного человека не знаю я, в ком было бы столько любви». Было у них много общего. Но впоследствии архимандрит Андрей (с октября 1907 года Епископ Мамадышский, викарий Казанской епархии) резко выступал против Распутина. Из друга он превратился в его гонителя и называл государственным преступником. «...Господина Предателя, – писал о Распутине епископ Андрей, – я знаю давно. Для государственной власти – это преступник, которому нет имени; для церковного закона – это человек, подлежащий отлучению от св. причащения... Лично мне он предлагал одно из влиятельных мест, если бы я ответил утвердительно на его вопрос: “Верить ли ты в меня?” Я ответил, что “верить” мне в него нечего, потому что я знаю его как крупного шарлатана...»

Более подробные воспоминания епископа Андрея Ухтомского о Григории Распутине записал на отдельных листах Александр Степанович Пругавин (1850–1920) – российский революционер-народник, публицист, этнограф, историк, исследователь истории раскола Русской православной церкви, старообрядчества и сектантства. «В первый раз я услышал о Григории Распутине в 1905 году, в Казани. Он был знаком с некоторыми монахами и бывал в духовной академии. Я был в то время архимандритом. Вскоре монахи познакомили меня с Григорием Распутиным, и он начал бывать у меня, не раз ночевал в моей квартире. В это время он особенно поражал всех необыкновенно экзотической молитвой. [...] Искренно

или нет, молился – я не могу сказать. Иногда среди разговора он вдруг соскакивал с места, обрывал беседу и начинал молиться с необыкновенным жаром и подъёмом. Он доходил до экстаза, но в этом экстазе мне чудилось что-то не совсем здоровое, что-то болезненное. Невольно возникали некоторые сомнения; мне думалось, что столь нервная молитва едва ли может исходить от человека благодатной жизни. О своих сомнениях я счёл нужным предупредить тех монахов, которые поддерживали знакомство с Распутиным. Вскоре мои подозрения подтвердились. Как-то он приходит ко мне и говорит: “Я уезжаю в Раифский монастырь”. “Зачем?” – спрашиваю я. “Говорят, там есть один монах, чудотворец. Хочу у него побывать”.

В Раифском монастыре в то время действительно был один иеромонах, отличавшийся большой религиозной настроенностью. К нему за помощью обращались многие нервно больные, мятущиеся люди, и он помогал им, успокаивал их. Распутин, вернувшись из монастыря, начал подражать этому иеромонаху. Пошли слухи о том, как он лечил и успокаивал одну женщину в купеческой семье. У меня появились подозрения против Распутина, но я ещё не решался оборвать знакомство с ним. Как-то он был у меня. Мы долго беседовали с ним о молитве, о посте, об исповеди. Он вспоминал об Иоанне Кронштадтском, к которому относился с большим сочувствием и уважением. Мне было приятно слышать это, так как я сам всегда высоко ставил Иоанна Кронштадтского. Но среди разговора он вдруг поразил меня одним замечанием: “Да, ведь вот святой, а между тем как он к женщинам-то относится?.. Однако это не мешает его святости”. “Как! – воскликнул я. – Неужели ты веришь тем грязным сплетням, которые распускаются об Иоанне Кронштадтском его врагами?” Но моё возражение, видимо, нисколько не смутило Распутина, и он – как теперь помню – сказал мне: «Эка, брат, штука, – кто больше ездит, тот больше берёт”. “Вот ты каков!” – сказал я с укоризной. Распутин, увидев, что я

переменил своё отношение к нему, начал меня уверять, что он пошутил. “Нет, брат, этими вещами не шутят”, – сказал я ему. И тотчас же дал ему понять, что он потерял моё доверие. Он это понял и прекратил свои визиты ко мне.

Весною 1909 года в Казань приехал епископ Феофан, направляясь в Уфу, где он намерен был лечиться кумысом. Он был у меня, причём разговорился о Григории Распутине. Я предупреждал Феофана о двуличности Распутина, об его обмане и эротомании. Феофан молча выслушал, но не ответил мне ни одного слова. В августе того же 1909 года он, возвращаясь из Уфы, снова посетил меня. И когда на этот раз разговор снова коснулся Распутина, Феофан сказал: “Да, это один ужас. Григорий вызвал распад царской семьи, он всецело завладел государыней. Бедный государь...”»

В «Синем журнале» № 11 от 1917 года, в заметке «После казни», были размещены два фотоснимка Распутина, снятые после извлечения его тела из Малой Невки. Снимки представляют собой большую редкость и являются историческим документом. На них: голова Распутина, изуродованная при падении ударом о сваи моста; замёрзшая, обледенелая борода старца облепила всё лицо, до глаз, через неё едва виднеется характерный мясистый нос, правый глаз полуоткрыт; около лица застывшая рука с полусогнутыми пальцами...

Вскрытие тела Григория Распутина состоялось в часовне Чесменской богачельни 21 декабря 1916 года. Производил его доктор медицины, патологоанатом Дмитрий Петрович Косоротов (1856–1920). Через год в редакцию газеты «Русская воля» он представил письменное изложение произведённого им вскрытия, где указана истинная причина смерти старца: «При вскрытии найдены весьма многочисленные повреждения, из которых многие были причинены уже посмертно. Вся правая сторона головы была раздроблена и сплющена вследствие ушиба трупа при падении с моста. Смерть последовала от обильного кровотечения вследствие

огнестрельной раны в живот. Выстрел произведён был, по моему заключению, почти в упор, слева направо, через желудок и печень с раздроблением этой последней в правой половине. Кровотечение было весьма обильным. На трупе имелась также огнестрельная рана в спину, в области позвоночника, с раздроблением правой почки, и ещё рана в упор, в лоб (вероятно, уже умиравшему или умершему). Грудные органы были целы и исследовались поверхностно; но никаких следов смерти от утопления не было. Лёгкие не были вздуты, и в дыхательных путях не было ни воды, ни пенной жидкости. В воду Распутин был брошен уже мёртвым».

Один из убийц Распутина – Владимир Пуришкевич (1870–1920) – русский политический деятель правых консервативных взглядов, монархист, черносотенец, член Государственной думы. В газете «Казанский Телеграф» № 5441 от 5 июня 1911 года писали: «Сегодня приезжает в Казань из Нижнего Новгорода член Государственной Думы Владимир Митрофанович Пуришкевич, который прочтёт в зале Дворянского собрания публичную лекцию на тему: “Проснувшийся Китай как угроза русскому переселенческому движению”».

Имя почтенного лектора не нуждается в словословии, говорит само за себя. Вероятно, когда-нибудь отыщется на Руси досужий любитель сравнительной статистики, который “с цифрами в руках” выяснит, чьё имя из состава депутатов наших трёх Дум произносилось и фигурировало в отечественной прессе – всевозможных оттенков – наибольшее число раз и таким путём выяснит наибольшую популярность самых популярных депутатов. Но уже и сейчас, без сравнительной статистики, можно с уверенностью сказать, что имя В. М. Пуришкевича, нашего дорогого гостя займёт среди популярнейших депутатов одно из первых, если не “самое первое” место».

Вряд ли кто из присутствовавших на той лекции мог предположить, что че-

рез несколько лет «почтенный лектор» возьмёт в руки револьвер и сыграет активную роль в убийстве Григория Распутина?

Надо ли доказывать, что некоторые пророчества старца сбылись? Он чувствовал не только внутреннюю сущность людей, его прозорливый взгляд наперёд пронзил целый век.

Как о человеке незаурядном, с ореолом провидца, говорили про Распутина при его жизни, говорят и до сих пор – спустя сто с лишним лет после того, как его не стало. Невероятно, но мистический случай, косвенно связанный с Распутиным, произошёл в наши дни. Все наверняка помнят хит группы «Бони М» «Rasputin» и солиста Бобби Фаррелла, известность которому принесло исполнение в том числе и этой песни. Во время её исполнения музыкант плясал в стилизованном русском костюме, нацепив накладную бороду, изображая Григория Распутина. Так продолжалось много лет. В декабре 2010 года, Бобби Фаррелл (1949–2010) приехал в Санкт-Петербург, чтобы выступить на корпоративном мероприятии компании «Газпром социнвест». Конечно, выступление не могло состояться без исполнения всеми любимого шлягера.

После выступления, поздно вечером 29 декабря, Фаррелл вдруг почувствовал себя плохо. Он поднялся в свой односторонний номер отеля «Амбассадор», расположенный между Юсуповским садом и Юсуповским дворцом, где в ту же ночь на 17 декабря 1916 года по старому стилю или на 30 декабря по новому был убит Григорий Распутин.

Утром 30 декабря участники группы «Бони М», обеспокоенные отсутствием артиста, обратились к сотруднику отеля. Когда открыли дверь его номера, то увидели на кровати мёртвое тело Фарелла. Причиной смерти 61-летнего артиста стала остановка сердца. Что это, не проделки ли коварного старца, решившего отомстить тому, кто столько лет пародировал и смеялся над ним?

